

К ВОПРОСУ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЧАСТУШЕК В СОВЕТСКОЕ ВРЕМЯ

Васильчук А. А.

студент 5 курса, председатель Совета СНО

Научный руководитель – Швед И.А.,

доктор филологических наук,

профессор кафедры белорусского литературоведения

УО «Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина»

(Республика Беларусь, г. Брест)

К числу наиболее актуальных проблем, которые исследуются современной фольклористической наукой, надо отнести структуру и поэтику жанров советского фольклора. В последние десятилетия появляется большое количество исследований, посвященных этой проблеме. В настоящей статье речь пойдет о вполне конкретной традиции: о политических частушках XX века, направленных как на восхваление существующего политического режима и ассоциируемого с ним общественного устройства, экономических, социальных, политических установлений и практик, так и на дискредитацию их. В большинстве таких частушек, в той или иной степени эксплицитно, присутствует элемент пропаганды. Нестрогими уточняющими синонимами к обозначению «политические» для частушек второго типа (антисоветских) могли бы стать, с одной стороны, определения «антиправительственные», с другой стороны – «крамольные», «запрещенные» [3, с. 2]. При этом имеется в виду рассмотрение очерченной проблемы в общем плане. Мы не стремимся к исчерпывающему описанию политических частушек во всех известных фольклорных источниках. Отметим, что в белорусской науке эта область фольклора наименее исследована. Белорусскими фольклористами политические частушки, относящиеся к советскому времени, в научный оборот практически не вводятся.

Прежде всего, отметим, что «политическими частушками» можно называть частушки, в которых находит поэтическое преломление коллективное воображение и которые тем или иным образом связаны с политикой в широком смысле – «структурами власти и доминирования, присущими изучаемому обществу и до известной степени осознаваемыми его членами. Понятно, что границы политического в данном случае остаются достаточно размытыми: различные социальные слои и группы в разное время могут обладать достаточно специфическими представлениями о том, что следует относить к соответствующей области общественной жизни» [4, с. 3]. Политические частушки, которые бытовали в советское время, – это та жанровая разновидность частушки, которая существовала в устной словесности во времена советской власти. Такая жанровая номинация условна и имеет свои изъяны. Основной из них – некоторая историческая неточность, так как частушка в том виде, в котором мы ее рассматриваем, существует и в наше время, т.е. после крушения советской власти.

Как это ни парадоксально, частушка в плане идеологии является комическим, пародийным, альтернативным, контркультурным жанром. В этом смысле политическая частушка близка политическому анекдоту. По словам А. Ф. Белоусова, здесь «энергия противостояния порождает альтернативную словесность» [1, с. 548].

Частушка с ее рифмовкой принадлежит стиховой культуре. Частушка остается сравнительно молодым и в чем-то уникальным жанром фольклора и постфольклора. Ее живучесть обусловлена удивительным тематическим разнообразием, четкой формой, широким интонационным диапазоном (от жалобы до призыва), разработкой

вечных тем, в том числе политики, и несложных сюжетов (с постоянными героями – вождями или политиками) [5, с. 499].

Сравнительный анализ политических частушек официальной и неофициальной культур, а также созданных ими отрицательных образов позволяет выявить, какие недостатки в общественной и даже личной жизни предлагала «видеть» народу власть и что в реальности думал народ по поводу власти и предлагаемых ею объектов для осмеяния, а также что подвергалось отрицанию через осмеяние самим народом. И хотя в большинстве случаев трудно с достаточной степенью достоверности выявить реальную распространенность тех или иных мнений народа, однако даже беглый взгляд на проблему свидетельствует о практически полном несовпадении дискурсов.

Мобильность и актуальность частушке обеспечивают во многом особенности стиховой организации, которые были свойственны самым ранним образцам жанра и воспроизводятся до сих пор. Это и зачины, и рифмы, традиционная двучастность, параллелизм, символизм, абсурдизм, игра слов, постоянные герои, типичные сюжеты, способность к циклизации [5, с. 411].

Многосюжетность и многовариантность значительной части политических частушек – свидетельство их тематического разнообразия. В связи с этим чрезвычайно тяжело охватить всю тематику частушек, скрупулёзно систематизировать их. Между тем можно и необходимо обозначить связь политических частушек с насущными нуждами советского времени, с важнейшими политическими, общественными событиями. Вместе с тем, необходимо помнить, что частушка не прямая, калькированная с жизни, а художественно образная репрезентация действительности.

Среди политических частушек можно выделить частушки, которые характеризуют всеобщую коллективизацию как продуктивный и очень успешный период развития страны, как путь, ведущий к материальному благополучию и не предполагающий отсылки к христианским авторитетам. К примеру: «Нам молебны ўжэ ны трэба, // Гэта ты соображай! // Мы в колхозы бяз молебней // Поднимаем урожай». Высший авторитет в выборе «правильной дороги» – Ленин и Сталин. Среди политических частушек особое место занимают те, которые отображают отношение вождя к простому человеку. К примеру: «З каждым месяцэм и годом // Лучшэ жыты становыцца, // Бо наш родны Сталин // Про нас беспокоицца»; «Прыходь, высна-красна, // Врэмя ўжэ высеннее. // Сталин к счастью нас выдэ // По заветам Ленина»; «Василёчкы, як глазчкы, // Расцветають ў полюшцы. // За то Сталину спасибо, // Шчо жывэм на волюшцы»; «Наш отец, вылыкый Сталин, // Смотриць зорко з Крымля: // Ныма ли в поли дэ орэхоў? // Вся ли ўспахана зымля?» [*Запись автора].

В частушках клеймили «врагов» советской власти, материли всех – и Деникина, и Врангеля, и Петлюру, и белополяков, и Антанту. Материли и грозили: «Гэй, Стамбулы, гэі, Парыжы // И британский мора. // Скоро, гады, к вам прыбудэм // До годовшчыны Окцябра!». Должны быть наказаны и «чужие», и «свои» буржуи, один из основных признаков которых – ненасытность («Сине морэ ны напыныш, – // Воно вэльмы глыбоко, // Всих буржыеў ны накормыш, – // У их пузо вылыкэ»). В таких частушках доставалось и самим буржуям, и их руководителям мелкого ранга, и самому вождю; их предупреждают о неизбежности расплаты: «Дайтэ новыньку вынтоўку, // Вороного мни коня, // Мы пойдэм быты буржыеў // И буржуйского вождя». Что движет мстящими? Только ненависть к окаянной власти, к самим буржуям: «Эх, яблочко, // Оловянэ, // Буржуйска власть // Окаянная»; «Эх, яблочко, // Сладко-кыслые, // Буржуйскы вочы – // Нынаivistны!» [*Запись автора].

Политические частушки не могли не отразить в своем содержании и становление Советской власти, Советов, как формы единственной правильной власти. К примеру: «Всю Россию пэрэйдэм, // Всю Сибир пишком пройдем, // На Советы хто полизэ, // Тому голову звырнэм»; «Вси мы горы, косогоры // Прошлы и пэрэмиралы. // Вси мы власти испыталы // В Советы повирылы» [*Запись автора]. Соответственно, советская

власть – самая лучшая, самая крепкая, и за нее не жаль отдать самое дорогое – жизнь: «За советское праўленье // Буйну голову зложу: // Лучшэ гэтой власти // Я нямакой ны знайду»; «Эх, яблочко // Покатылоса, // А советская власть // Укрэпыласа!». В связи с подчеркиванием необычайной мощи советской власти характерна актуализация образа дерева, которое в большинстве случаев имеет позитивную аксиологизацию в белорусском фольклоре, особое внимание при этом уделено его цепким корням: «Эх, яблоня, // Корни цэпкыи, // А советская власть // Дужэ крэпкая!» [*Запись автора].

Официальная пропаганда рисовала вождя гениальным, мудрым и дальновидным политиком. Народная же культура посредством создания своего, альтернативного образа правителя, разрушала создаваемый пропагандой имидж вождя: если официальный культ был серьезен, то неофициальный – комичен. Например: «Ой, спасибо тебе, Ленин! // Ой, спасибо двести раз! // Да еще тебе спасибо // За советскую за власть!»;

В народных политических частушках вождь обыгрывается в национальных характеристиках. К примеру, во многих частушках образы Ленина и Сталина относятся к еврейской части населения. Правитель, таким образом, предстает в образе инородца, чужого. Также «жидами» объявлялись все коммунисты, а их власть – «жидовской» [2, с. 3, 130].

Показательно, что 1934 год относится к эпохе репрессий, а в частушечной памяти он был трагично-веселым: «Ой, огурчыкы-помыдорчыкы, // Сталин Кирова убуў в корыдорчыку» [*Запись автора].

О Хрущеве пели уже не стесняясь, критикуя то кукурузную эпопею, то его «газетного» зятя, то просто колхозную простоту советского руководителя. Например: «Ой, Никита ты, Хрушчоў, // Кукуруза нам на шчо? // Будэм столько ей жраты – // С туалета нам ны ўстаты» [*Запись автора].

Любые нюансы и промахи деятельности партийного руководителя, грубые ошибки советской пропаганды находили отражение в народном творчестве. Стоило появиться первой эпистолярной работе «дорогого Леонида Ильича», как тут же на весельях звучало: «Вись в дилах, в политработи, // О зэмлі малой в заботи, // Вин и добрый, вин и нежный // Из морпеха – Лёнька Брэжнеў» [*Запись автора].

Политические частушки были более характерны для сельской местности Беларуси. Народные сатирические произведения имели один источник распространения – передачу «из уст в уста». Официальная же сатира, как известно, представлена на страницах специальных изданий, прежде всего журнала «Крокодил», а также в сатирическо-юмористических рубриках на страницах других газет и журналов.

Политическая частушка, как показывает исследование, – это инструмент массового сознания. В Белоруссии бытовали частушки как просоветского, так и антисоветского характера. Первые раскрывали, в основном, темы положительного воздействия коллективизации, раскулачивания, антиклерикального движения на жизнь простого народа. Правда, сегодня трудно сказать, выходцами из каких слоев населения такие частушки складывались, чем именно была мотивирована их ценностная составляющая, насколько искренни были творцы таких частушек, что их этого материала было широко представлено в живом бытовании, а что сочинялось на заказ. Отметим только, что все эти тексты счастливо дожили до 2011 года, хотя и в пассивной форме. Как средство политической борьбы частушка раскрывает абсурдность официального, созданного советской системой ритуала, с точки зрения самого же исполнителя ритуала, т.е. советского (или бывшего) человека. Объекты политической частушки – это конкретные исторические события и лица в своих социальных и бытовых связях. Такие частушки имеют злободневное содержание, выраженное в структурных и содержательных стереотипизированных формах.

Літаратура

*Запись автора – лично собранные материалы в д. Рухча Столинского района Брестской области от Веренича Якова Иосифовича, 1936 г.

1. Русский школьный фольклор. От «вызываний» Пиковой дамы до семейных рассказов / сост. А. Ф. Белоусов. – М.: Ладомир; АСТ, 1998. – 743 с.

2. Заветные частушки из собрания А. В. Волкова: В 2 т. Т. 1: Политическая частушка. – М., 1999.

3. Михаил Лурье. Политические и тюремные песни в начале XX в.: между пропагандой и фольклором [Электронный ресурс] // Антропологический форум № 12. – Режим доступа: http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/012_online/12_online_lurie.pdf.

4. Александр Панченко. Политический фольклор как предмет антропологических исследований [Электронный ресурс] // Антропологический форум № 12. – Режим доступа: http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/012online/12_online_panchenko.pdf.

5. Анна Петрова. Частушка и садистский стишок: память жанра. Вербальное, виртуальное, визуальное [Электронный ресурс] // Антропологический форум № 11. – Режим доступа: http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/011/11_10_petrova.pdf.

РЕПОЗИТОРИЙ БГУИМ